

ВРЕМЯ И МЕСТО

Очи черные, очи жгучие

Исполняется 120 лет со дня рождения Тамары Карсавиной

Майя Крылова

Когда газетные фотографии этой женщины попадали в руки мужчин, далеких от балета и даже не подозревавших, кто именно сфотографирован, — изображения вырезали, вешали на стенку и любовались, пока бумага не пожелтеет. Влияние карсавинских глаз с поволокой, видимо, было еще более сильным, чем магнетизм ее танцев. А взятые вместе достоинства Карсавиной, женщины и балерины, и вовсе сбивали с ног.

Карсавина наряду с Идой Рубинштейн претендует на первое место в списке самых красивых российских танцовщиц. Современники наперебой превозносили женский магнетизм и поминали сердца, разбитые обами чаровницами.

Но если inferнальная Ида напоминала то «раненую львицу», то остро заточенную бритву, Тамара Карсавина брала другим: она обволакивала лирико-поэтической эротикой. Обаяние Карсавиной было тем сильнее, что она слыла неприступной особой, не склонной к обычным пошлым амурам танцовщиц.

Рубинштейн до конца дней оставалась способной любительницей, пробившейся благодаря огромному состоянию, позволявшему быть самой себе

жила себе и могущественного друга (Матильду Кшесинскую), и злопыхатного врага (Анну Павлову).

Матильда Кшесинская сама предложила ей покровительство («если кто обидит, скажи»), а проски врагини, не называя ее по имени, Карсавина позднее описала в своей мемуарной книге «Театральная улица», где рассказала, как однажды ревнивая соперница с криками набросилась на начинающую балерину за кулисами, обвинив ее сценический костюм в «нескромности».

Балерина Карсавина не захватывала ни виртуозным шиком, как Кшесинская, ни флюидами «плачущего духа», как Спесивцева, ни трагической пронзительностью, как Павлова. Тамаре были чужды яркие локальные краски, она пленяла нюансами, мягкими переходами одного пластического состояния в другое.

В описаниях карсавинских выступлений подчеркивается ее мимический талант, употребляются слова «неуловимая грация», расхваливаются красивые ступни, стройные ноги и высокий от природы прыжок. Парижский рецензент писал, что на сцене «Карсавина похожа на танцующее пламя, в свете и тенях которого обитает томная нега... ее танцы — это нежнейшие тона и рисунок воздушной пастели».

Тамара Карсавина была преданной соратницей основателя

Никто не мог устоять перед красотой Тамары Карсавиной. Ей поклонялись все мужчины Петербурга. Портрет из книги «Русское зарубежье. Золотая книга эмиграции». М., 1997

себе вопрос: «Отчего они не могут танцевать, как Карсавина? Это так просто. Но... не выходило».

Франция ее обожала, а вслед за Парижем полюбила вся Европа. Спектакли с Карсавиной посещали Роден, Сен-Санс, Кокто и главные герои светской хроники. Марсель Пруст, срисовавший героев своей эпопеи с великосветских завсегдатаев «Русских сезонов», после приемов часто отвозил балерину в отель на автомобиле. Не успел ее поклонник на спектакле в Лондоне крикнуть «Карсавина!», как «раздался рев галерки, словно

грохот отдаленной пушки, и театр аплодировал двадцать минут».

В 1913 году Карсавина свернула европейские гастроли с Дягилевым и больше стала выступать в Мариинском театре. Здесь она с головой окупилась в классический репертуар, станцевала «Жизель», «Лебединое озеро», «Раймонду», «Щелкунчик» и «Спящую красавицу».

Рецензенты, как правило, восхищались ею, но не всегда: время от времени писали о недостатке техники и даже о некоторой сценической вялости, не забывая, впрочем, отметить ар-

тизм. На родине ее экзотическое лицо тоже «любили принцы и поэты» — Карсавина позировала Баксту, Добужинскому, Серову, Судейкину и Серебряковой. Ей посвящали стихи Михаил Кузьмин («Вы Коломбаина, Саломея, вы каждый раз уже не та...») и Анна Ахматова («Как песню, слагаешь ты легкий танец...»).

Поэты, как и Карсавина, много лет посещали кабаре «Бродячая собака», где, по уверениям некоторых мемуаристов, разгоряченная Тамара иной раз танцевала на столе, а аплодировать ей могли практически

все значительные завсегдатаи «Собаки»: от Северянина, Мандельштама и Гумилева до Прокофьева, Маяковского и Мейерхольда.

За Карсавиной ухаживал знаменитый питерский донжуан Карл Маннергейм (тогда самый государственный деятель Финляндии, что построил линию Маннергейма, в начале века он был офицером царской армии). Ею безумно увлекся лейб-медик двора Сергей Боткин, позабыв ради Тамары жену, дочь основателя галереи Павла Михайловича Третьякова. Хореограф Фокин три раза делал ей предложение, получая отказ.

С другой стороны, есть свидетельства, что интеллектуальность и начитанность Тамары, небывалые для балерины и жен-

В 33 года Карсавина в последний раз танцевала в Мариинском театре, выйдя на сцену в «Баядерке». С мужем и маленьким сыном в 1918 году прима императорского балета навсегда оставила родину, о которой впоследствии писала: «Россия — дикая страна большой культуры и поразительно го невежества».

Она прожила 93 года, что, если верить астрологам, вполне естественно для женщины, родившейся в марте 1885 года (гороскоп Карсавиной указывает на «расположение многих планет в Рыбах, стихии воды», а это признак долготелетия). Вторую половину жизни Тамара провела в Лондоне, периодически выезжая на континент — то к Дягилеву, с которым возобновила ак-

(Версия Аштона сейчас идет на сцене Большого театра.)

Карсавина написала мемуары, в которых подробно вспоминает о детстве, проведенном в Императорском балетном училище на улице Росси, о Мариинском театре и о первых годах с Дягилевым. Первое издание ее книги «Театральная улица» вышло в Англии в 1930 году, предисловие написал знаменитый писатель Джеймс Барри (автор «Питера Пэна»). Есть русский перевод 1971 года, в нем, естественно, изъяты воспоминания о революции, когда Карсавина описывает мытарства отъезда в эмиграцию.

Ее семья пробиралась на север, в Мурманск, к английским пароходам, успев на пристань за несколько минут до отхода

Ею безумно увлекся лейб-медик двора Сергей Боткин, позабыв ради Тамары жену, дочь основателя галереи Павла Третьякова

щины тех лет, периодически отпугивали потенциальных поклонников. В результате Карсавина вышла замуж за небогатого дворянина Василия Мухина, пленившего ее добротой, знанием музыки и страстью к балету.

Брак длился до тех пор, пока в 1913 году балерина не пришла на прием в посольство Великобритании. Там она познакомилась с Генри Брюсом, начальником канцелярии посольства в Петербурге. Брюс влюбился отчаянно, увел Тамару из семьи, она родила ему сына Никиту и в 1915 году стала женой британского дипломата. Они прожили вместе более тридцати лет. Впоследствии Брюс, как он в конце жизни написал в мемуарной книге «Тридцать дюжин лун», досрочно преврал дипломатическую карьеру ради триумфов любимой жены: «Несмотря на эгоизм, свойственный мужчинам вообще, у меня не было никаких амбиций, кроме желания находиться в тени Тамары».

тивные творческие контакты, то сопровождая мужа в дипломатических поездках.

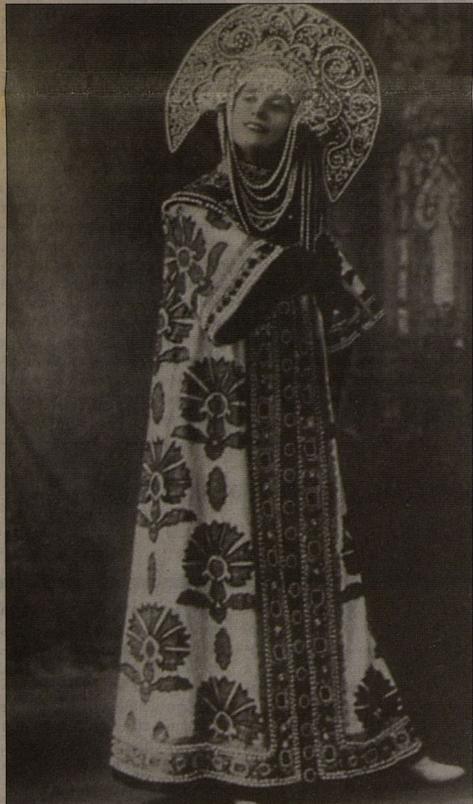
В 39 лет она выступила в театре Ла Скала, два года танцевала в британской труппе «Балле Рамбер» и от души полюбила Англию, хотя не без иронии отмечала особенности островной психологии. О британцах говорила: в глубине души они всегда бывают несколько удивлены, когда обнаруживают, что иноземники пользуются ножами и вилками, как и они сами.

В эмиграции Карсавина возобновляла балеты Фокина, учила приму английского балета Марго Фонтейн танцевать Жар-птицу, служила вице-президентом Королевской академии танца, разрабатывала новый метод записи танцев и консультировала балетмейстера Фредерика Аштона по поводу того, как выглядеть в Мариинском театре ее любимый балет «Тщетная предосторожность».

последнего британского крестера «Вивисбрук» и с замиранием сердца въезжая в попадавшиеся на пути деревни — а кто там: белые или красные? Для первых был припасен дипломатический паспорт мужа, для вторых — подорожная, подписанная красным наркомом Чичериным.

Знаменитая балерина умерла в 1978 году, надолго пережив брата, жизнь которого окончилась трагически. Лев Карсавин много лет жил в Литве, где был профессором университета. После присоединения Прибалтики к СССР «религиозный идеалист» был снят с должности, в 1949 году арестован за антисталинские высказывания и умер от туберкулеза в лагере.

...Ахматова мечтала, чтобы по «Поэме без героя» был поставлен балет. Тамара Карсавина, подруга ее молодости, наверняка была среди тех, кто грезился Анне Андреевне на роль главной героини.

Анна Павлова сразу невзлюбила восходящую звезду. Павлова в костюме по эскизу Билибина. Начало 1910-х гг.

продюсером и спонсором. Карсавина — одна из лучших профессионалок балета, прима петербургского Мариинского театра начала XX века, звезда «Русских сезонов» Сергея Дягилева, прославивших наш балет во всем мире.

Ее отец Платон Карсавин был танцовщиком Мариинского театра, но не хотел, чтобы дочь продолжила династию — «Таточка родилась слишком деликатной для профессии балерины». Сделать дочку танцовщицей захотела мать, внучатая племянница философа-славянофила Алексея Хомякова. Интеллектуальная жила в семье передавалась по наследству: родной брат Тамары Лев Карсавин был историком-медиевистом и самобытным мыслителем, за что вместе с другими умными людьми в 1922 году большевики выслали его из России на знаменитом «философском пароходе». Брат и сестра были дружны, Лев звал Тамару «знаменитой добродетельной сестрой», а она его — «молодым мудрецом».

Дебютировав в Мариинском театре, Карсавина быстро на-

«Русских сезонов», его первого хореографа Михаила Фокина и прочих дягилевских деятелей, большую часть которых вначале составляли мирискусники. «Таточка стала одной из нас», — писал Александр Бенуа. В то время как Кшесинская, невзлюбив Дягилева, ставила ему палки в колеса, используя свои связи при дворе, а Павлова, потанцевав у того же Дягилева на первых порах, позже решительно отказалась делить успех с другими звездами.

Исполнив Армиду в «Павильоне Армиды», Коломбаину в «Карнавале», девушку из эпохи романтизма в «Видении розы» и Жар-птицу в одноименном балете, Карсавина навсегда вписала свое имя в историю модерна с его «виньеточной» культурой и избытком декоративной изобразительности. Станцевав Куклу в «Петрушке» (как и многие другие роли — в паре с Нижинским), она вызвала к жизни позднейшие мемуарные вздохи автора хореографии — Фокина: «Я видел много Кукол в этом балете, и все они были хуже первой. Я задавал

Танец Карсавиной обволакивал лирико-поэтической эротикой. Карсавина в балете «Шопениана». Художник Ф. Сорин

Матильда Кшесинская охотно покровительствовала Карсавиной. Кшесинская-Лиза в балете Гертеля «Тщетная предосторожность». Фото из книги «Русское зарубежье. Золотая книга эмиграции». М., 1997